В детстве я ничего не понимал. Я не знал их, я не понимал их.

Когда я выросла, я узнала, как люди дискриминируют других людей на основании того, что они даже не могут контролировать.

Несколько лет спустя, когда мы стали жить с тетей и дядей, я узнала об унижении, не потому что я что-то сделала или Георгина что-то сделала, а потому что люди смеялись над нами, они смеялись над тем, что Лия другая, а я ее сестра.

Я не понимала, насколько моя сестра отличается от нас. Как ее дегенеративная мозговая деятельность могла стать причиной того, что дети дразнили нас и показывали на нас пальцем.

Мне это не нравилось. Каждый раз, когда я выходила играть с Лией, дети начинали смеяться над нами, потому что Лия вела себя как ребенок, несмотря на свой возраст и размер.

Клэр уже перестала появляться где-либо с нами, и я всегда стояла рядом с Лией в замешательстве, когда дети в парке показывали на нас пальцами и дразнили нас.

Я часто смотрела на сестру и думала о том, как ее ударили на детской площадке, когда она пыталась спасти меня.

Удар повредил ее и без того больной мозг, а потеря наших родителей нанесла еще один удар по ее разуму.

Она забыла многое, в том числе и причину, по которой мы жили у дальних родственников.

Сейчас, после всех этих лет, она все еще остается ребенком.

Мы оба перестали выходить на улицу, когда парки и детские площадки были заняты, вместо этого мы оставались в своей комнате и играли между собой.

Неважно, что говорит мир. Лия была моей семьей. Моим единственным живым кровным родственником.

Даже если другие люди провожали нас странными взглядами и даже если они не понимали ее, я понимал.

Она была все такой же милой, как всегда.

Она больше не могла ходить в школу, но всегда помогала тете по дому.

Все было не так уж плохо.

Все было вполне нормально, и я был очень смышленым ребенком.

Я побеждал во многих школьных конкурсах и был вполне доволен своей жизнью, но не все радуются за тебя.

Не всем нравится, когда тебя хвалят.

И этот кто-то может быть кем угодно, даже самым близким человеком.

В четвертом классе Клэр вдруг начала действовать мне на нервы.

Она начала смеяться над Георгиной и даже начала раздражать меня.

Ее друзья в классе всегда шли против моих, и это стало плохо. Она заявляла, что я и Лия вредим "ее" семье и что ее родители - это только ее родители.

Я просто игнорировал ее, но постепенно ситуация стала ухудшаться. От словесных оскорблений она начала переходить к физическим.

Это я не мог просто оставить в покое. Было много случаев, когда мы оба заканчивали дракой. Тетя и дядя не воспринимали это всерьез и просто ругали нас обоих, когда это случалось, но это были не обычные сестринские драки, как они думали.

Клэр действительно стала нас ненавидеть.

Может быть, дело в ее возрасте. Она хотела, чтобы внимание родителей принадлежало только ей.

Или, возможно, она злилась на то, что ее сравнивают.

Тем не менее, это не оправдывает ее поступка.

В пятом классе она услышала о том, что я и Георгина - дочери мафиозного клана.

Может быть, она услышала это, когда тетя и дядя разговаривали, потому что я сама немного обсуждала это с ними. От них я узнала о войне четырех кланов и поняла все немного лучше.

Поэтому я был уверен, что Клэр тоже слышала это от них или подслушала их разговор.

Как бы то ни было, она заставила своих друзей отвести меня в физкультурный сарай и преподать мне урок, обвинив меня в воровстве.

"Стой!" Дети вокруг меня прижали меня к земле. "Я ничего не делала! Это не я!" кричала одиннадцатилетняя я.

"Это должен быть ты. Ты плохой человек. Моя мама так сказала". Девочка с косичками, Ванесса, стояла передо мной с зажигалкой: "Должно быть, это ты украла мои чары".

Я почувствовала, как что-то струится по моей спине. Алкоголь? Масло?

Щелк! Ванесса попыталась включить зажигалку.

Щелк!

"Я говорю вам, что это не я!!!" закричал я и изо всех сил пытался как-то вырваться из их хватки.

Щелк!

Зажигалка загорелась, на ней заплясало красивое голубое пламя.

Я уставилась на нее: "Это была не я..."

Она бросила в меня зажигалку, и я в страхе закрыл глаза.

Ничего не произошло.

Дети, державшие меня, вдруг отпустили меня, и я открыла глаза, чтобы увидеть страх в их глазах. Они все стояли и смотрели на кого-то в ужасе. Я повернулась и увидела нашего учителя, который стоял там со строгим выражением лица и зажигалкой в руках.

Я вздохнул с облегчением, затем мой взгляд переместился на кого-то, стоящего позади учителя.

"Мэтью?" Мой сосед тоже был там, еще более сердитый, чем учитель.

Возможно, он пришел в мою школу, потому что я еще не добрался до дома.

Как только я увидел его, я встал и побежал к нему: "Мэтью!!!". Когда он увидел, что я бегу к нему, выражение его лица смягчилось, и он раскрыл свои объятия для меня.

Я бросилась в его объятия и начала плакать.

Он забрал меня с собой домой, сказав учителю, чтобы тот хорошенько разобрался с проблемой.

Я не думаю, что когда-нибудь забуду тот день. Не только из-за инцидента с детьми, но и из-за Мэтью.

Он носил меня на руках, постоянно повторяя, что не позволит, чтобы со мной что-то случилось.

Он даже купил мне шоколадное мороженое и держал меня рядом с собой.

В тот день он начал мне нравиться. Он был таким классным и обаятельным, и, наверное, самое лучшее, что мне в нем нравилось, это то, что он даже к Георгине относился хорошо.

Он не дискриминировал ее, не смеялся над ней и вообще не говорил никаких плохих вещей или слов, как другие взрослые.

Он был старше меня на восемь лет, но я все равно не могла не находить его привлекательным.

***

Мы с Клэр не разговаривали друг с другом несколько дней, потому что она тоже попала в неприятности из-за своих друзей.

Я думала, что на этом все закончится и что, возможно, она оставит нас с Лией в покое.

Как же я ошибался.

В итоге ситуация приняла самый худший оборот.

Я не знаю, назвать ли это случайностью или чем-то, что я сделал специально, потому что первую половину я действительно планировал.

Но вторая половина?

Это было то, что я даже не мог себе представить.